

Разговор с родителями

Сэтоши Мотидзуки

После случайной встречи на набережной с молодой тётёй и отцом Сэтоши отправился на работу, чтобы снова попытаться что-то понять в этих бумажках, отчётах, цифрах и формулах, но у него опять ничего не получилось. Он не выходил из кабинета и всё считал и считал. Он слышал, что отец ушёл из офиса, и сам покинул здание последним. Охранник очень удивился, ведь обычно это отец уходит последним. Сэтоши далеко не сразу пошёл домой, точнее, он направился домой пешком, медленным шагом. Шёл мелкий противный дождь, на улице похолодало. Но молодой человек не торопился домой, зная, что его не так сильно контролируют. Он мог делать всё, что хотел, и, наверное, ему доверяли.

Он вернулся домой в половине одиннадцатого вечера. Поздоровался с матерью, поцеловал её в щёку и, переобувшись, ушёл к себе в комнату. На вопрос матери будет ли он ужинать, он сказал, что сейчас переоденется и вернется. Но стоило ему только сесть на кровать, как усталость сильно навалилась на него, и он через несколько минут спал, закутавшись в плед.

Наверное, тетя была права, сказав, что у него упадок сил. Потому что он никогда не думал, что может проспать почти сутки, да еще в одежде. Он никогда раньше себе такого не позволял. Тем не менее, он даже не услышал, как в комнату тихо зашла мать и укрыла его пледом, да еще аккуратно откинула волосы с его лба.

Сначала у него не было снов, но потом в сознание стали приходить какие-то нелепые и невероятные картинки, которые в народах называют снами. Сэтоши повернулся на другой бок. Натянул на голову плед, свернулся в позу эмбриона, но это не сильно помогло. Точнее, совершенно не помогло. Картинки стали отчётливыми, какими-то неприятными. Он хотел вынырнуть из сна, но никак не получалось.

Сначала его преследовали призраки прошлого. Он вспоминал своё детство, вспоминал как обижался на отца, когда тот называл его тупым и говорил, что пятилетний Джун считает лучше него. В его снах преобладали цифры, они ему снились достаточно часто, он привык к этому. Отец не знал этого, но он честно пытался хоть что-то понять. Наверное, надо было просто попросить отца позаниматься с ним, попросить его что-то показать, вместе провести отчёт по сделкам. Но Сэтоши прекрасно помнил, как несколько раз отец говорил ему о тупости и плохих генах, а потом просто находил себе другое занятие. Но Сэтоши не обижался...

Он что-то простонал и вынырнул из своих неприятных кошмаров. За окном было светло, начинался рассвет. Молодой человек хотел встать с кровати, но сильно закружилась голова, перед глазами прошлась рябь, а тело отдалось сильной и неприятной ломотой. Он повалился обратно на подушку и прикрыл глаза, решив ещё немного полежать, а потом встать и снова отправиться на работу, хоть и был выходной. Но стоило ему закрыть глаза, как неприятные видения и сны снова его атаковали, и он поддался им, не имея сил вырваться из этой паутины кошмаров.

Кровь. Она была повсюду и везде. Её было очень много. Он не знал, как от неё убежать, куда деться, что делать. Он зажмурился и снова открыл глаза. Он стоял на перекрёстке и ждал, когда переключится светофор. Его кто-то толкнул, и он услышал тихую ругань, а потом увидел, как нарушитель спокойствия выходит на проезжую часть. Делает несколько шагов. Мгновение, и на его глазах разыгрывается настоящая трагедия. Человека сбивает машина. Тело подбрасывается вверх, будто оно пушинка, а потом громко падает на проезжую часть. Откуда-то вытекает кровь, а тело начинает дёргаться в судорогах...

А потом откуда-то появились цифры. Кровавые. С них стекала кровь. Люди, стоящие рядом с ним, начали смеяться, цифры хаотично перемещались, а откуда-то издалека был слышен голос отца, который говорил, что сожалеет, что его первенцу достались не гены семьи Мотидзуки, а какой-то мусор какой-то актрисульки...

Сэтоши сильно вздрогнул и проснулся от скрипа кровати. За окном было темно, и он посмотрел на часы. Удивился, что проспал почти сутки. Состояние было паршивое, тело ломило, голова неприятно болела и, судя по всему, он всё-таки заболел. Рубашка прилипла к мокрому разгорячённому телу, и он с радостью избавился от этой ненужной одежды. Надел домашнюю одежду и вышел из комнаты. В квартире было тихо, но в воздухе витали приятные ароматы свежеприготовленной еды. Родители тихо разговаривали в столовой, и он, умывшись, направился к ним. Идти было тяжело, и этот жуткий сон никак не хотел его отпускать, создавая ощущение, что он находится где-то между реальностью и сном. Надо собраться. Он вошёл в столовую и кашлянул, привлекая внимание родителей к своей персоне.

Путеводная Нить

После разговора с Яреци Шотаро было о чем подумать, но ему так и не дали это сделать. Когда девушка ушла, на него "наехала" Мизуки пытаясь выяснить, что же заставило молодую жену Тору так сильно плакать. А от пытался что-то придумать, хоть и понимал все бесполезность этих действий перед женщиной, которая, наверное, знала его лучше, чем он сам.

В конце концов ему все-таки удалось перевести тему, когда он начал задавать вопросы про Сэтоши и выяснил, что и здесь все было не так благополучно. Мизуки волновалась за здоровье и эмоциональное состояние сына, поскольку он спал ненормально долго, даже не пытаясь встать, чтобы поесть. В голове почему-то промелькнули слова девчонки о истощении, и Шотаро поморщился, чувствуя и свою вину за то, что произошло с Сэтоши. Он не только не смог его поддержать, но и усугубил проблему своими резкими словами, о которых сейчас очень жалел, хоть и произносил что-то подобное далеко не первый раз.

- Ты знала, что он боится крови?

По лицу жены Шотаро понял, что та, если и не знала, то наверняка догадывалась, обладая потрясающей чуткостью и способностью залезать в чужую голову без какой-то там магии, с которой ему, последнее время, приходилось сталкиваться все

чаще. И он хотел было узнать подробности, как в столовой, где они сейчас сидели, появился Сэтоши, чей помятый внешний вид не вызывал особого восторга.

- Выспался? - Шотаро ляпнул первое, что пришло ему в голову, хоть и понимал некоторую, после всего произошедшего, странность своих слов. Но, в отличие от старшего брата, он не был хорошим дипломатом и переговорщиком, поэтому и предпочитал возиться с цифрами, которые не могли обидеться, расстроиться, да и вообще что-то сказать ему в ответ.

Сэтоши Мотидзуки

Мать со свойственной всем женщинам нежностью встала со стула и, подойдя к нему, прислонила ладонь к его лбу и заглянула в глаза, а потом провела ладонью по щеке и вернулась на свое место. Посмотрела на мужа и просто покачала головой. Сэтоши вздохнул и посмотрел на отца.

- Да, выспался, - копируя манеру отца процедил он сквозь зубы. Воспоминания всего, что он вчера наговорил отцу, навалились на него, смешались с отголосками того странного и неприятного сна, и он поморщился. Но он почему-то не считал себя виноватым в том, что так резко высказался, и не думал, что надо извиниться.

Запахи еды будоражили сознание, приятно щекотали ноздри, и он посмотрел на мать, а потом снова опустил голову. Почему-то он не был уверен, что сможет сейчас что-то съесть. Было какое-то странное ощущение не то тошноты, не то еще чего-то. Хотелось лечь и спать дальше. И он думал, что если бы не этот странный сон, то он бы спокойно спал дальше.

Он прислонился пальцами к вискам и ощутил капли пота на огненной коже. Он не привык жаловаться, нужно просто выпить какое-нибудь жаропонижающее, и дальше лечь спать. А потом выспаться и отправиться на работу, чтобы снова выполнять какие-то задания. Но пока он продолжил стоять около стены и изучать свои тапочки.

Путеводная Нить

Конечно, на свой вопрос Шотаро получил соответствующий ответ. Ожидать чего-то другого было глупо. В каком-то смысле он сам спровоцировал сына на подобные слова, но от этого легче не становилось. Ведь после разговора с Яреци и истории про младшего сына и брата, видеть еще и Сэтоши в том состоянии, в котором он находился, было очень и очень тяжело.

- Чего стоишь, садись за стол. Мизуки как раз закончила с ужином.

Шотаро кивнул жене, показывая, что можно подавать ужин, и снова перевел взгляд на сына.

- Хватит любоваться на свои ноги. Если заболел и плохо себя чувствуешь, так и скажи.

Собственный резкий тон, контрастирующий со словами, в которых должна была выражаться забота, раздражал его самого. Но когда Шотаро начинал нервничать, ему трудно было говорить спокойно, без того, чтобы не начать давить на

собеседника. А сейчас он нервничал. И сильно, поскольку совершенно не понимал, что ему делать и говорить, чтобы еще сильнее не усугубить ситуацию. Поэтому ему оставалось надеяться только на Мизуки, которая со своей женской чуткостью могла решить эту проблему за него и как-то разрядить тяжелую обстановку.

Сэтоши Мотидзуки

Мать была очень мудрой женщиной, и молодому человеку в какой-то момент стало грустно, что его мать совершенно другая женщина. Потому что Джун в чем-то даже был лучше. Он не был таким домашним, как Сэтоши. Молодой человек усмехнулся и посмотрел на отца. Пожал плечами и сел за стол, на свое привычное место. Проследил за тем, как мать разложила еду по тарелкам и взял палочки.

- Да, я плохо себя чувствую. Но имеет это какое-то значение? - Обреченно произнес Сэтоши и хмыкнул. - Мне же все равно завтра придется идти на работу. Считать эти отчеты. Ты меня называешь тупым, но ты никогда не задумывался над тем, что я хочу разобраться с этим. Тебе нужен исполнительный человек, но тебе лень заниматься с человеком.

Он замолчал и хмыкнул. Мать только покачала головой, предпочитая не вмешиваться в разговор с сыном и мужем. Сэтоши был уверен, что отец приберет его за такое заявление, но ему это переживать осталось недолго - скоро должен вернуться Джун, и все внимание родителей перекинется на него, а от него, Сэтоши, отстанут. Он будет продолжать работать и выполнять разные поручения. Он съел немного лапши и стал ковыряться в тарелке.

Путеводная Нить

Шотаро не знал, что именно он рассчитывал услышать от сына, но это явно была не ответная грубость, пусть и произнесенная совсем другим тоном, чем у него самого. Но Сэтоши снова умудрился его удивить, позволив себе больше обычного и высказав ему в лицо претензии, с частью из которых он мог и согласиться, пусть и очень не хотел этого делать.

- Когда я заставлял тебя идти на работу больного? - проворчал Шотаро, положив только что взятые палочки обратно на стол. - Да и вообще, чего ты хочешь? Большинство людей мечтает оказаться на твоём месте, а ты постоянно всем недоволен, хотя никогда ни в чем не нуждался. Если что-то непонятно - подойди и спроси, а не жди, когда я сам потрачу время на то, чтобы проверить твою работу и найти ошибки.

Прикосновение к плечу руки Мизуки подсказало Шотаро, что он немного разошелся, поэтому замолчал, пусть ему и было что добавить. Его дети никогда не видели тяжелой жизни и даже не представляли сколько их деду, а затем и отцу приходилось работать, чтобы они могли себе позволить все, что желали. Но, финансового достатка им было мало, и они хотели все больше и больше, хотя он сам, всю свою жизнь старался довольствоваться малым, не требуя от своего отца ничего, кроме разрешения на первый брак, о чем он до сих пор сильно жалел.

Сэтоши Мотидзуки

- Так я пытался спросить. Но у тебя никогда не было времени со мной позаниматься. Поэтому я прекратил и пытался разобраться с этим сам. И да, может ты возьмешь Джуна на мое место? Меня устраивает всякая беготня по офису, магазинам. Я так хотябы людей вижу. А Джун считать умеет.

Наверное, в нем сейчас говорила простуда, ведь у него был жар, о котором отцу сказала мать, но он не мог себя контролировать. Хотел остановиться, но не мог. В какой-то момент чаша терпения переполнилась. Вероятно, это было странно, а отцу вообще неприятно это слышать. Но он ничего не мог с собой поделать.

Мать поставила на стол чашки с вкусным и ароматным чаем, и он, отставив тарелку, обнял чашку двумя руками и отхлебнул немного напитка. Через несколько глотков сознание немного прояснилось, и он покраснел, поняв, что наговорил отцу гадостей.

- Извини, - пробурчал он себе под нос. - Ты спрашивал меня, боюсь ли я вида крови... Да, я боюсь вида крови. Это... произошло полгода назад. Я тогда хотел поговорить с тобой об этом, но ты всегда находил дела важнее, чем общение со мной... - он посмотрел на отца, а потом прикрыл глаза. Воспоминания его начали терзать, и он вздрогнул.

Путеводная Нить

Упоминание Джуна, которого он и хотел когда-нибудь увидеть на своем месте, заставило Шотаро раздраженно скрипнуть зубами. Не окажись у младшего сына непонятных способностей, он бы постепенно подготовил его в качестве своего приемника, а Сэтоши так и оставил бы в помощниках финансового директора. Но пока все его планы разваливались из-за проблем с сыновьями, валившиеся на него одна за другой.

- Ты на том месте на котором должен быть. И если я на работе уделял тебе недостаточно времени, то нужно было об этом раньше сказать. Я что, чудовище какое, которое тебя за это сожрет?

Он так практически ничего и не съел, поскольку аппетит напрочь пропал, хотя он всегда любил кухню Мизуки. А очередное признание Сэтоши о боязни крови и вовсе убило желание не только есть, но и вообще сидеть за этим столом. Но сбежав, он подтвердил бы слова о более важных делах, чем общение с сыном, поэтому Шотаро сделал глубокий вдох и набрался сил спросить:

- И что случилось полгода назад?

Он догадывался, что Сэтоши стал свидетелем какой-то сцены, но предпочел бы узнать подробности, которых сегодня на его голову приходилось как-то слишком много.

Сэтоши Мотидзуки

Наверное, ему не стоило сейчас начинать эти разговоры, делая вид, что его все устраивает, что он со всем справляется. Ведь он всегда справлялся, так почему же его прорвало именно сейчас? И почему он заболел именно сейчас? У него же никогда еще не было такого, что после прогулки под дождем, да еще и летом,

пришлось подхватить простуду. Он болел только очень давно, в глубоком детстве, и он этого плохо помнит. А потом родился Джун, и все внимание родителей было отдано младшему брату. И если подрастающий Сэтоши иногда обижался на отца, что он больше внимания уделяет Джуну, то к Мизуки у него не было обид - ведь он для нее был чужим человеком, и она могла вообще не заботиться о нем. Но она находила время на всех - и на Джуна, и на Сэтоши, и даже на своего мужа.

Молодой человек заметил, что отец, услышав о боязни крови, собрался было уйти, чтобы не связываться с ним, и хмыкнул. Но отец остался, да еще и продолжил этот разговор. Сэтоши глубоко вздохнул и снова прикрыл глаза, по частям собирая этот жуткий пазл, хотя ни одна деталь не уплыла от его памяти. Он помнил все детально, будто прошло не сто девяносто дней, а несколько минут назад.

- Ты меня тогда отправил по поручению. Я отправился пешком, машину не было смысла брать. Я стоял на перекрестке и ждал, когда переключится светофор. Но какой-то молодой человек решил перейти дорогу, нарушая правила. Он сделал несколько шагов и был сбит машиной. Его подкинуло вверх, а потом он шмякнулся на проезжую часть. Водитель, который его сбил, был то ли пьян, то ли еще что. Но удар был сильный. Тот умер на месте, но перед этим его тело долго было в предсмертных конвульсиях. И было много крови. Я не знаю почему впал в ступор. Вот не знаю. Я тогда не выполнил твое поручение, хотел поговорить с тобой, но ты как всегда был занят. А потом я просто отодвинул свои эмоции. До вчерашнего дня, когда тетя порезала палец...

Он замолчал и опустил голову. Стал изучать содержимое чашки.

Путеводная Нить

И вот Шотаро ждал очередной рассказ с кровавыми подробностями, которых на сегодняшний день и так было много. Ощущение, что его простой и понятный мир рушится на части, возникшее во время разговора с Яреци, только усилилось. Наверное, для одного дня было много узнать о чуть ли не смертельном ранении брата, похищении младшего сына, а вот теперь и о тяжелой ситуации, в которую попал старший. И, самое печальное, никому из здесь присутствующих Шотаро не мог объяснить причину, по которой ему так не хотелось сейчас говорить о страхах Сэтоши, поэтому имел все шансы в очередной раз прослыть бесчувственным эгоистом.

- Может тебе обратиться к психотерапевту? - Наконец, выдавал он и, перекинувшись взглядом с Мизуки, которая, вроде бы, не считала такое предложение неправильным, добавил. - Если тебя смущает возможность быть узанным, то можно доехать до Токио.

Сэтоши, обычно никуда один не выезжал из Тибы, поскольку в этом не было необходимости и, судя по тому, что он никогда об этом не просил, достаточного желания. Но в свои уже давно не детские годы, сын вполне мог это сделать. Причем сам Шотаро был готов поспособствовать в поиске хорошего специалиста, поскольку не знал, чем еще может помочь в подобной ситуации. Все эти тонкие душевные переживания уже много лет казались ему чем-то странным и очень от него далеким и, наблюдая за ними со стороны и понимая, что должен вмешаться, Шо чувствовал

себя учеником начальной школы, которому показывают логарифмические уравнения и заставляют их решить.

Сэтоши Мотидзуки

- Меня это не смущает. Меня, наоборот, пугает этот факт быть узванным. Я уже пытался пару раз сходить к психотерапевту, но... останавливался у двери. Я тогда думал, что делать, если они меня узнают. Ведь... это может дойти до тебя. Тебе, наверное, было бы неприятно слышать, что старший сын финансового директора боится вида крови.

А потом бы отец называл сына не только тупым и никчемным, но чуть ли не ошибкой природы, мусором, который подавил гениальные гены семьи Мотидзуки. И пришлось бы все это выслушивать. И делать вид, что все нормально. И переживать это в комнате, находясь в одиночестве. Сидя на подоконнике и глядя на небо. Или рисуя ноты на листе бумаги и что-то напевая себе под нос.

- Ты почему ничего не ешь? Тебе надо что-нибудь съесть, - от раздумий его отвлек голос матери, нежный, но тем не менее строгий. Он мотнул головой и поднял на нее глаза.

- Я не хочу. Аппетита нет, - ответил он. - Меня почему-то тошнит...

Мизуки подошла к нему и снова притронулась пальцами к его лбу. Покачала головой.

- У него жар, - сказала она мужу, а потом вернула свое внимание к молодому человеку. - Тебе надо поспать. Иди в комнату и отдохни.

- Но я... - пробормотал молодой человек и глубоко вздохнул. - Да... я, наверное, да, мне надо будет сходить к психотерапевту...

Он допил чай, который тоже не лез, и поднялся из-за стола. В теле чувствовалась сильная слабость, кажется, было еще хуже, чем раньше, и он, поблагодарив полупоклоном мать, направился в свою комнату.

Путеводная Нить

Разговор с сыном, который должен был как-то прояснить ситуацию, как показалось Шотаро, только все усугубил. Он и раньше чувствовал, что Сэтоши живет какой-то своей жизнью, в которой ему не было бы места, не окажись он его отцом, но сейчас убедился в этом окончательно. Та же Мизуки, не являясь его родной матерью, как-то сумела построить с одиноким и замкнутым мальчишкой доверительные отношения, в то время как он сам, похоже, делал все, чтобы исключить даже возможность их возникновения.

Судя по всему, сын сильно разболелся, поэтому, помимо его собственного желания отложить трудную тему на неопределенное время, ко всему прибавился объективный фактор, заставляющий Сэтоши покинуть столовую. И Шотаро осталось только смотреть ему в след и думать, где же он допустил ошибки в воспитании детей, что теперь вынужден чувствовать себя чужим в собственном доме.

Наверное, если бы рядом с ним не было Мизуки, которая понимала его лучше, чем он сам, все стало бы совсем катастрофично. Но даже одного прикосновения к его руке пальцев жены оказалось достаточно, чтобы снова поверить в возможность благополучно разрешить все навалившиеся проблемы, сколько бы времени это не потребовало...
